

знаете—согласенъ приберечь ихъ здѣсь къ моему возвращенію. Я только-что говорилъ съ нимъ. Идемъ, я готовъ.

Они прошли черезъ мрачную, освѣщенную газомъ комнатку клерка, и Гольройдъ остановился, чтобы проститься съ клеркомъ, кроткимъ, блѣднымъ человѣкомъ, красиво переписывавшимъ рѣшеніе въ концѣ одного изъ дѣлъ.

— Прощайте, Тукеръ,—сказалъ онъ.—Мы съ вами долго не увидимся.

— Прощайте, сэръ. Очень жалѣю, что расстаюсь съ вами. Желаю вамъ пріятнаго пути, сэръ, и всего хорошаго на мѣстѣ; чтобы вамъ тамъ было лучше, чѣмъ здѣсь, сэръ.

Клеркъ говорилъ съ странной смѣсью покровительства и уваженія: уваженіе было чувство, съ какимъ онъ привыкъ относиться къ своему принципалу, ученому юристу, а покровительство вызывалось сострадательнымъ презрѣніемъ къ молодому человѣку, не счумѣвшему пробить себѣ дорогу въ свѣтъ.

— Этотъ Гольройдъ никогда не сдѣлаетъ карьеры въ адвокатурѣ,—говаривалъ онъ знакомымъ клеркамъ,—у него нѣтъ ловкости, нѣтъ пріятнаго обхожденія и нѣтъ связей. Не понимаю даже, зачѣмъ онъ сунулся въ адвокатуру!

Гольройду нужно было распорядиться на счетъ того, куда адресовать бумаги и письма, которыя могутъ придти въ его отсутствіе, и кроткій клеркъ выслушалъ ихъ съ такой серьезностью, точно и не думая все время про себя: — стоитъ толковать о такихъ пустякахъ.

Затѣмъ Гольройдъ покинулъ свою комнату и вмѣстѣ съ Маркомъ спустился по винтовой лѣстницѣ, прошелъ подъ колоннадой палаты вице-канцлера, гдѣ у запертыхъ дверей нѣсколько клерковъ и репортеровъ переписывали списокъ дѣлъ, назначенныхъ для разбирательства на слѣдующій день.

Они прошли черезъ площадь Линкольнъ-Инна и направились къ Пикадилли и Гайдъ-Парку. Погода стояла совсѣмъ не ноябрьская: небо было голубое, а воздухъ лишь настолько свѣжъ, чтобы пріятно напоминать, что на дворѣ глубокая осень.

— Да,—сказалъ Гольройдъ печально,—мы съ вами теперь долго не будемъ гулять вмѣстѣ.

— Вѣроятно,—отвѣчалъ Маркъ съ сожалѣніемъ, звучавшимъ нѣсколько формально, такъ какъ предстоящая разлука его не особенно печалила.

Гольройдъ всегда больше любилъ Марка, чѣмъ Маркъ Гольройда; дружба послѣдняго была для Марка скорѣе дѣломъ случая, нежели личнаго выбора. Они вмѣстѣ квартировали въ Кембриджъ